

УДК 94(47).084.9«1953/1964»

С. А. Ивлиев, Т. Н. Кадерова
S. A. Ivliev, T. N. Kaderova

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ В 1953 — 1964 гг. (на примере Мордовской АССР)

EVERYDAY LIFE OF PEOPLE IN 1953 — 1964 (on the example of the Mordovian ASSR)

Ключевые слова: повседневная жизнь, Мордовская АССР, «оттепель», социальная политика, общественные настроения.

В статье авторы рассматривают особенности повседневной жизни населения Мордовии в период правления Н. С. Хрущева.

Key words: everyday life, the Mordovian ASSR, “thaw”, social politics, public mood.

The authors consider in the article the features of the daily life of the population of Mordovia during the governance of N. S. Khrushchev.

Для Мордовии период реформ 1953 — 1964 гг. связан с началом постепенного превращения республики из аграрно-индустриального региона в индустриально-аграрный, что не могло не отразиться на повседневной жизни людей, поскольку существенные трансформации затронули социальную сферу жизни общества.

В середине 1950-х гг. произошли большие перемены, связанные со значительным смягчением мобилизационного характера советской экономики, с усилением социальной направленности политики государства. Так, сократился рабочий день в предвыходные и предпраздничные дни, подростки ежедневно стали работать на 2 часа меньше. Была отменена плата за обучение в средних и высших учебных заведениях. У женщин увеличилась продолжительность отпусков по беременности и родам. Велась подготовка к постепенному переходу на семичасовой рабочий день. Надо отметить, что государство в тот период стало ассигновать также существенно больше, чем ранее, средств на социальное страхование, на пособия по временной нетрудоспособности, на санаторно-курортное обслуживание населения¹. Пятая сессия Верховного Совета СССР приняла Закон «О государственных пенсиях», предусматривавший как увеличение пенсионного обеспечения, так и его распространение на ранее не получавшие пенсию группы населения. Данный закон, принятый хрущевским руководством, в дальнейшем действовал на протяжении полувека и оказался востребован как на протяжении всей последующей истории СССР, так и в постсоветское время².

С вступлением в силу Закона «О государственных пенсиях» 1956 г. размер пенсионных выплат гражданам страны увеличился в 2,5 — 3,0 раза. Согласно этому закону право на государственную пенсию наступало в момент достижения работником пенсионного возраста: для женщин — в 55 лет, для мужчин — в 60. Причем предусматривалась возможность и более раннего выхода на пенсию при занятости на вредных и тяжелых производствах. В этом случае работник получал

возможность выйти на пенсию уже в 50 — 55 лет (мужчины) или в 45 — 50 лет (женщины). Также закон 1956 г. давал право на пенсию военнослужащим, учащимся учебных заведений разных уровней, всем гражданам страны, если они получили инвалидность, выполняя государственные или общественные обязанности. Кроме того, пенсия назначалась иждивенцам в случае потери кормильца. В качестве иждивенцев могли выступать муж, жена, дети, отец, мать, внуки, братья, сестры, дедушки, бабушки, усыновители и усыновленные. Закон определил право иностранных граждан и их семей на получение пенсии СССР при условии, что две трети их стажа заработаны в нашей стране³.

С партийных трибун данный закон именовался «самым прогрессивным, самым гуманным в мире». «Мы по праву можем гордиться нашей широчайшей системой государственного социального страхования, которая полностью осуществляется за счет государственных и общественных средств, без каких-либо вычетов из заработной платы трудящихся», — не без гордости отмечал корреспондент «Советской Мордовии» С. Иванов⁴. И подобный пафос во многом был оправдан: если идеалы «подлинной народной демократии», о которых говорили теоретики коммунизма, в рамках социализма оказались осуществимы лишь отчасти (главным образом на «низовом» уровне), то достижения социализма в строительстве общества социальной справедливости не вызывают сомнений. Свою весомую лепту в это строительство вносил и закон 1956 г.⁵

В Мордовии при введении его в действие коллективами районных отделов социального обеспечения была проведена большая подготовительная работа по пересмотру пенсионных дел: составлены списки пенсионеров, выяснено, кому какие требуются дополнительные документы. Сельские Советы каждого района республики выдали пенсионерам необходимые справки, также им были разосланы персональные письма с разъяснением нового закона. Кроме того, с его введением увеличилось число пенсионеров. Ежедневно в каждый из райсобесов приходили десятки людей, которые по ранее действующему законодательству не имели права на пенсию⁶.

Населением закон был принят с большим воодушевлением. Например, в пос. Ковылкино в августе 1956 г. в честь его введения в действие состоялось собрание пенсионеров, где присутствовало более 500 чел. В духе времени они горячо благодарили партию и правительство за постоянную заботу о советском человеке. «Я по старости получаю 150 рублей в месяц, — заявлял Михаил Фролович Воробьев, — но новому же Закону моя пенсия составит 627 рублей»⁷. Пенсионерка Ольга Васильевна Андреева сказала: «Трудно выразить словами чувства, которые переполняют меня. Мне 64 года, я получаю уже 9 лет пенсию по старости 150 руб. в месяц, а по новому Закону буду получать 467 рублей»⁸. В ходе подобного же собрания в селах Ичалковского района местными активистами отмечалось: пенсионер Иван Киреевич Гадюнин получал 150 руб., по новому закону стал получать более 360. Павлу Ивановичу Бельдягину государство выплачивало 150 руб., а теперь — 408 руб. Сироты Мокроусовы из д. Баево стали получать 523 руб. в месяц вместо 225, как было раньше⁹.

Как видно из этих примеров, значительный рост пенсий явился весомым фактором в облегчении жизни населения республики. Он вел к определенному росту благосостояния не только пенсионеров, но и их работающих детей, так как способ-

ствовал росту совокупного дохода советской семьи. Однако стоит оговориться, что пенсионные выплаты по-прежнему не касались крестьян-колхозников, уровень жизни которых значительно отставал от других категорий трудящихся. Пенсии для колхозников были введены только в 1964 г., однако они были «копеечными» и не шли ни в какое сравнение с пенсиями других категорий работников. Как следствие этого, молодежь по-прежнему стремилась покинуть село, работа в котором не гарантировала ни достойной оплаты, ни последующей пенсии.

Значительной социальной составляющей властных инициатив, повлиявшей на повседневную жизнь населения Мордовии, стала модернизация системы здравоохранения республики, в результате которой снизилась смертность, увеличилась продолжительность жизни, а в ходе многочисленных профилактических мероприятий удалось добиться существенного снижения общего уровня заболеваемости людей. К началу 1960-х гг. заметно поднялся уровень медицинского обслуживания в сельской местности, где в предыдущие годы он был крайне невысок: не хватало медикаментов, оборудования, опытных специалистов. За 1958 — 1963 гг. сеть больничных коек по Мордовии выросла почти на 2 тыс. единиц, что дало возможность усилить объем стационарной помощи. Особенно заметно выросла она в 1962 — 1963 гг. в столице МАССР — г. Саранске, что позволило коллективу республиканской больницы больше внимания уделять обслуживанию сельчан. Весной 1964 г. в ней 60 % госпитализируемых больных были жителями села, тогда как за три года до этого их было только 23 %¹⁰.

В 1962 — 1963 гг. бюджет здравоохранения МАССР увеличился почти на 2 млн руб. В результате весной 1964 г. в Мордовии работали 34 городские и 70 сельских больниц, 26 врачебных здравпунктов, 683 фельдшерско-акушерских пункта, 161 колхозный родильный дом, 16 санитарно-эпидемических станций, 57 аптек и много других лечебно-профилактических учреждений. К тому времени во всех центральных районных больницах республики функционировали клинические и биохимические лаборатории, кабинеты электрокардиографии, что позволяло более точно диагностировать заболевания и улучшать качество лечения. Также в первой половине 1960-х гг. в центральных районных больницах Мордовии стали успешно применяться новые методы диагностики и лечения, которые за несколько лет до того были доступны лишь в крупных больницах и клиниках. В большинстве больниц проводились сложные операции на желудке, желчных путях, легких. Все центральные больницы были укомплектованы основными специалистами. В городских больницах внедрялись и проводились операции на сердце, легких и сосудах.

Работники здравоохранения республики совместно с партийными и советскими органами провели ряд мероприятий, направленных на расширение и приближение к населению стационарной медицинской помощи по родовспоможению. В итоге, по данным на апрель 1964 г., в республике почти 100 % родов проходили в стационарных условиях. Резко уменьшилась детская смертность. Значительно больше стало родильных домов непосредственно в колхозах. Образец в организации медицинского обслуживания населения показывали в ту пору работники колхозных родильных домов Чамзинского района МАССР. Среди них были акушерки Левашина, Полушкина и Федоськина, пользовавшиеся заслуженным уважением сельчан. Положительным моментом явилось и то, что практические врачи стали активнее

заниматься научной работой, повышением собственной квалификации. Например, только за 1962 г. — начало 1964 г. четыре врача из МАССР защитили кандидатские диссертации. Ценные научные работы вели врачи Ромодановской и Ковылкинской районных больниц В. С. Поросенков и В. И. Панков. По данным на апрель 1964 г., в республике работали 117 заслуженных врачей Мордовской АССР и РСФСР¹¹.

Таким образом, в рассматриваемое время в республике отмечался существенный рост всех сфер медицинского обслуживания. Тем не менее важной нерешенной задачей оставалось укрупнение центральных районных больниц, превращение их в центры специализированной медицинской и организационно-методической помощи¹².

Период реформ 1953 — 1964 гг. стал временем начала активных урбанизационных процессов в МАССР, связанных с тенденцией превращения региона из аграрно-промышленного в индустриально-аграрный. Все большее число сельских жителей, особенно молодежи, устремлялось в города, где в то время строились новые промышленные предприятия и требовалось все большее количество рабочих рук. Следствием этого процесса явилось обострение проблемы с нехваткой жилья (и без того весьма острой), для решения которой нужны были значительные средства. Выходом из ситуации стал курс жесткой экономии на «архитектурных излишествах» при строительстве новых домов, активно проводившийся руководством страны и, в первую очередь, самим Н. С. Хрущевым (новый тип жилища получил в народе название «хрущевка»).

Не лишним основания является представление о том, что в ходе хрущевских реформ власти сумели за короткое время решить проблему жилья. Но одновременно, как считают историки повседневности Н. Б. Лебина и А. Н. Чистиков, «в массовом сознании российских горожан, а главное в их лексике, оказались удивительно живучими понятия „хрущевка“ и „хрущоба“, а также анекдоты и шутки, связанные с характеристиками нового строительства эпохи 1950 — 1960-х гг. Совмещенный санузел с сидячей ванной и без раковины, почти соединенный с полом потолок на высоте 2 м 20 см, тонкие межквартирные перегородки, позволявшие всему дому смеяться над анекдотом, рассказанным на пятом этаже — все это реалии хрущевской жилищной реформы. Ее квинтэссенция выражена в удивительном словосочетании „стандартная индивидуальная квартира“»¹³.

Авторы также отмечают, что «миниатюризация жилых помещений часто вызывала проблемы с меблировкой комнат. При этом ситуация иногда доходила до парадоксов. Бывало, например, что ранее произведенная мебель просто не помещалась в новомодных экономичных строениях. «Минимизация» становилась фетишем домашнего быта советских людей. Дизайнерская мысль стала активнее работать в направлении создания новых экономичных видов обстановки для жилья. В конце 1956 г. — начале 1957 г. увидели свет журнальные столики — весьма символичный атрибут домашнего быта, впервые появившийся именно в исследуемую эпоху. Тогда же «в целях экономии дорогостоящего сырья» и для удобства размещения в домах нового строительства были разработаны модели малогабаритных пианино»¹⁴.

Интересно, что общественные отношения, характерные для коммунизма, на строительство которого и были в целом направлены хрущевские реформы, предполагалось формировать в любом жилищном пространстве. Потому и в старых, и в новых домах после XXII съезда началась организация соревнования за получение

звания «Дом (квартира) образцового порядка и высокой культуры быта». Таблички такого содержания действительно можно было увидеть на фасадах некоторых домов в 1960-х гг. или даже на дверях отдельных квартир. Их жильцы всего лишь вовремя платили за квартиру, не забывали ее периодически ремонтировать и убирать, а также не скандалили и не мусорили на лестничных площадках. Это и называлось «коммунистическими отношениями в быту»¹⁵.

Новая жилищная политика оказала влияние на культуру быта не только горожан, но и сельских тружеников. Деревня Мордовии постепенно меняла облик, и на месте избышек с маленькими окнами появлялись светлые, благоустроенные дома. Обстановка в них постепенно приближалась к городской: появились шифоньеры, радиолы¹⁶. Заботу о нуждах жителей села проявляли сельские Советы: задумал колхозник построить дом, ему выделялись стройматериалы, транспорт и т. д. В целом за «хрущевское десятилетие» по Мордовской АССР в сельской местности было построено более 44 тыс. новых домов¹⁷.

Мордовский журналист-аграрник И. Николаев — современник описываемой эпохи — отметил интересную деталь сельского жилищного строительства — в начале 1960-х гг. в республике перестали крыть крыши соломой. Жилище сельчанина теперь чаще крылось железом, шифером, тесом, приобретало более или менее современный вид. Николаев приводит показательный случай: «Недавно один человек мне рассказал историю, что случилась в их колхозе. До пятьдесят третьего года трудно жилось в селе, это всем известно. Работали, как говорили тогда, за „палочку“, а она была голая. Ну, народ и потянулся от поля кто куда. Забил окна своего дома и колхозный плотник Иван Данилович, а сам подался со всем семейством в город, куда-то в Среднюю Азию. Недавно прислал своему соседу письмо. Сообщает, что живет хорошо, лучше некуда, и просит, чтобы сосед продал его дом. „Да смотри, — пишет, — не продешеви: мой дом лучший во всем селе — под тес крытый“. Сосед ему в ответ строчит: „Покупатель на твоё строение не находится. Колхозники толкуют — как бы снести его, потому что он портит вид улицы“. Скоро Иван Данилович катит сам. Приехал — и глазам своим не верит: дом-то его среди других оказался самым худшим — невзрачный, печальный. Даже соседка, многолетняя вдова, и та какую пятистенку соорудила — с резными наличниками, шиферной кровлей крыта, любо посмотреть!»¹⁸. Другой журналист — Г. Киреев — в начале 1960-х гг. дал зарисовку с. Поводимова Дубенского района: «Улицы словно раздвинулись, пропали старые избышки с подслеповатыми оконцами, вместо них поднялись пятистенные, крытые шифером и железом дома»¹⁹. Возможно приведенных выше авторов — современников эпохи — можно упрекнуть в некоторой ангажированности, приукрашивании действительности (чего требовала от них официальная пропаганда), но в главном они оказались правы: некоторое повышение жизненного уровня колхозных крестьян, материальная помощь им со стороны сельских Советов и подъемные государственные ссуды давали возможность улучшать жилищные условия. Укреплялась и инфраструктура села: возводились и перестраивались клубы, школьные здания. А сколько радости доставило колхозникам проводимое в их дома электричество: оно навсегда избавляло людей от темноты. Сельская глубинка Мордовии постепенно приобретала относительно благоустроенный облик²⁰.

Таким образом, благодаря новой социальной политике, тяготы повседневной жизни населения оказались облегчены, а наиболее одиозные их проявления ликви-

дированы. При этом одной из главных проблем оставалась необходимость подъема общего жизненного уровня людей, что, в свою очередь, привело бы к увеличению потребления населением продовольственных и промышленных товаров.

Низкий уровень потребления не мог не оказывать влияния на ассортимент питания населения, который оставался весьма скромным. Вкусовые приоритеты диктовались также государственной политикой. Как подчеркивает Н. Б. Лебина, «попыткой создать некий промежуточный вариант между традиционной индивидуализацией приготовления пищи и рационализмом в еде, свойственным эпохе всеобщей модернизации, — общественное питание на дому. Этому должны были способствовать так называемые домовые кухни — характерная примета именно хрущевского времени. Возникновение такой формы питания было связано с развитием массового жилищного строительства на окраинах городов. Как правило, на первых этажах новых домов были спроектированы помещения для магазинов, где продавались полуфабрикаты и уже приготовленные блюда, которые нужно было только разогреть перед употреблением. Предполагалось, что новосел мог спуститься в расположенную на первом этаже его дома «домовую кухню», купить там полный обед и съесть его в кругу семьи. Кроме того, к концу правления Н. С. Хрущева стало проще найти место, где можно было быстро и недорого перекусить, что свидетельствовало о распространении рационалистического подхода к питанию. Это были пирожковые, чебуречные, пельменные. Стандартизация жилья, таким образом, породила стандартизацию вкуса в сфере питания. Серьезные изменения во вкусовых приоритетах советских граждан в 1950 — 1960-х гг. произошли не только благодаря внедрению в повседневную жизнь унификации и западных стандартов. Структура питания населения менялась под воздействием экспериментов власти в области сельского хозяйства»²¹.

Например, одним из таких экспериментов стала борьба с «частнособственническими инстинктами» у населения. Она повлекла повсеместное сокращение приусадебных хозяйств и ликвидацию частного скота. В результате уже в начале лета 1958 г. был зафиксирован разросшийся дефицит молока: совхозы не справлялись с задачей его производства в необходимом количестве. Натуральное молоко горожане стали потреблять реже из-за внедрения промышленных способов его переработки и из-за элементарной нехватки. Одновременно в рацион городских жителей стали активнее проникать кисломолочные продукты: «Снежок», приготовленный на натуральных фруктово-ягодных сиропах, йогурт, ряженка. Наблюдался дефицит мясной и рыбной продукции, а к концу исследуемой эпохи и хлебных изделий. Кульминацией правительственных манипуляций с хлебом было появление в 1963 г. «русского чуда» — батона белого хлеба, состоявшего на две трети из гороховой и кукурузной муки. С 1 сентября 1963 г. была прекращена розничная продажа муки населению, т. е. по сути дела, введены карточки²².

На фоне нарастающего дефицита привычных продуктов потребления, вплоть до хлеба и муки, власти пытались целенаправленно менять вкусовые ориентиры населения. Это выразилось в навязчивом рекламировании кукурузы. Злак, в целом хорошо известный в южных регионах СССР, был принят повсеместно в качестве сырья для производства воздушных хлопьев. Из нее попытались делать конфеты, шоколад²².

Питание населения во многом зависело от состояния сфер торговли и общепита, которые оставляли желать лучшего. Показательными явились факты, изложен-

ные в ходе пленума облпрофсовета Мордовской АССР в январе 1956 г. Его участники подвергли резкой критике министерство торговли республики, Мордовпотребсоюз, горторготдел и трест столовых за то, что они часто допускали перебои в торговле товарами первой необходимости. В своем выступлении директор Атемарской МТС Балабаев замечал, что министерство торговли республики и Мордовпотребсоюз часто ссылаются на отсутствие фондовых товаров, но ничего не делают, чтобы изыскать на месте необходимые продукты. По его словам, многие колхозы Саранского и других ближних районов вырастили в 1955 г. хороший урожай овощей, имеют возможность продавать их и продукты животноводства на комиссионных началах, однако торгующие организации при этом инициативы не проявляют. По словам члена завкома Ардатовского светотехнического завода Горбуновой, торгующие организации и Мордовпотребсоюз не принимали мер к улучшению торговли и налаживанию общественного питания рабочих. Часто не бывает подсолнечного масла, белой муки, белого хлеба, мяса, редко бывает рыба, а на запросы Мордовпотребсоюз не дает ответа по три месяца. «Было решение организовать на заводе комиссионную торговлю, — констатировала Горбунова, — но до сих пор она не налажена. Рабочие за продовольственными и другими товарами вынуждены ходить за 8 километров в Ардатов или за 20 километров в Алатырь Чувашской АССР»²⁴.

В ходе этого же пленума управляющий республиканской конторой Гаранин обратил внимание на большие сверхнормативные остатки товаров на складах, тогда как в продаже этих товаров нет. Участники пленума высказали ряд замечаний в адрес треста столовых, отмечали, что в столовых пищу готовят невкусную, предусмотренные калькуляцией продукты иногда используются не полностью, ассортимент блюд ограничен; в цеховых буфетах на предприятиях пища продается холодная, нет молочных продуктов²⁵. Как видно из данного примера, проблемы сферы торговли республики были во многом обусловлены дефицитом товаров и отсутствием заинтересованности торговых организаций в успешной реализации продукции, что объясняется не столько несовершенством командно-административного управления экономикой, сколько постоянными экспериментами хрущевского руководства в хозяйственной сфере.

В эпоху «оттепели» обычными атрибутами повседневной жизни стали радио и телефон. В некоторых семьях появился телевизор (хотя он был еще большой редкостью, особенно в сельской местности). Активно развивалась кинофикация: если в 1953 г. в республике было 284 киноустановки, то в марте 1964 г. их насчитывалось 670. К этому времени жители Мордовии могли посещать 19 кинотеатров, из них 10 — широкоэкранных. В 1963 г. в регионе были созданы самостоятельные органы управления данной отраслью: организовано Управление кинофикации МАССР, в районах — районные дирекции, обустроены пионерские кинотеатры при некоторых школах. Это позволило существенно улучшить кинообслуживание населения. Среди киномехаников было немало мастеров своего дела, пользующихся заслуженным уважением зрителей: Геннадий Гусев из кинотеатра «Мордовия» (г. Саранск), Геннадий Татаров, Александр Сорокин, Александр Сопиловский из Торбеевского района, Антонина Слепова, Владимир Шилин, Петр Жорин из Ковылкинского района, Иван Федосеев из Атяшева, Михаил Фавстрийский из Ромоданова, Петр Бикеев из Старого Шайгова, Василий Степанов из Темникова, Вера Трошкина, Геннадий Ифутин из Чамзинки. «Они всегда впереди, с них берут пример», — писала о них региональная пресса²⁶.

После войны из Германии к советской власти попало много западных кинолент (так называемых трофейных кинофильмов). Кроме того, наладилось сотрудничество с киноиндустрией ряда зарубежных стран. Некоторым из этих фильмов было суждено стать поистине культовыми: «Путешествие будет опасным», «Судьба солдата в Америке», «Багдадский вор» и, конечно, легендарный «Тарзан».

Посещение кинотеатра по-прежнему оставалось главной формой досуга. «Западные кинозвезды сразу же стали в советской стране „своими“ (как некогда Л. Орлова и В. Серова, Л. Утесов и М. Жаров), — отмечает исследователь Л. Б. Брусиловская, — и столь же органично и естественно, как отечественные артисты театра и кино, вошли в повседневную жизнь и быт советских людей, словно и не жили за сотни тысяч километров, во „враждебном капиталистическом мире“ (что было тогда равносильно жизни на другой планете). Так, Брижит Бардо в роли Бабетты из комедии Кристиана Жака „Бабетта идет на войну“ столь триумфально шествовала по отечественным экранам, что стала эталоном красоты и чувственности (хотя это слово и не употреблялось в то время) для представителей самых различных слоев советского общества»²⁷.

Процессу раскрепощения сознания советского человека способствовал и ряд отечественных кинофильмов, снятых с позиций новых («оттепельных») канонов: «Летят журавли» режиссер (М. Калатозов), «Застава Ильича» (М. Хуциев), «Сорок первый» (Г. Чухрай), «Карнавальная ночь» (Э. Рязанов), «Девять дней одного года» (М. Ромм) и др.²⁸

Таким образом, социокультурные изменения в 1953 — 1964 гг. способствовали культурному подъему людей, их приобщению к достижениям современной цивилизации.

Определенный сдвиг происходил и в психологии населения, в частности во взаимоотношениях с властью. Советский человек уже не готов был мириться с «сановным хамством», рассматривать себя как безгласный и безропотно послушный вышестоящему начальнику «винтик» системы. Недаром одной из отличительных черт исследуемого периода стала обострившаяся борьба с бюрократизмом и произволом чиновников, во многих случаях начинаемая по инициативе «снизу», а затем «подхватываемая» различными партийными, государственными и советскими инстанциями.

Характерным примером в этом плане могут служить часто имевшие место волокита и бюрократизм при разборе жалоб населения. Например, в 1956 г. некая Грачева написала в Министерство юстиции МАССР о нетактичных действиях по отношению к ней со стороны народного судьи Рыбкинского района Мордовии Бояровой. Вместо того, что бы направить своего работника на место и быстро решить дело, министерство послало жалобу на судью этой же судье. Боярова через четыре месяца выслала в министерство объяснение, в котором обвинила Грачеву. Заручившись столь «исчерпывающим» объяснением судьи, заместитель министра Жуков на углу заявления Грачевой начальственно написал: «Сообщите жалобнице результат проверки». «Но ведь никакой проверки не было, — с возмущением сообщала по этому поводу «Советская Мордовия», — получена только отписка тов. Бояровой. Но здесь на подобные „формальности“ не обращают внимания». Жалобщица, как это и было рекомендовано Жуковым, получила ответ: «Факты, изложенные в Вашем письме, подверглись проверке и, как видно из объяснений и материалов, не нашли своего подтверждения»²⁹.

Однако сам факт попадания подобных материалов в прессу говорит о небезнадежности борьбы простых граждан против бездушной бюрократической машины, свидетельствует как об определенной степени их защищенности советским государством, так и росте общественного и личностного правосознания как элементов формирующегося гражданского общества. Тем более, что факт этот не был единичным. Той же республиканской прессой описывался случай с судьей Родиным (Чамзинский район), который на тех, кто обращается к нему с жалобами, смотрел как на людей, не заслуживающих уважения. Одна гражданка обратилась в суд с просьбой получить алименты с бывшего мужа на содержание ребенка. На это заявление Родин сообщил в министерство юстиции: «Истица Карасева пишет в адрес суда клевету от безделья». И лишь после вмешательства властей высших инстанций подобному беспределу был положен конец³⁰.

Неприглядное положение с жалобами населения имело место не только в судебных инстанциях, но и в сфере исполнительной власти, в частности в Министерстве финансов МАССР. Здесь также отмечались волокита, бюрократизм в разрешении законных претензий рабочих, колхозников и служащих. По некоторым письмам министерство не принимало мер до двух-трех месяцев. Отдельные его работники считали необязательным проверять жалобы на местах и делать по ним объективные выводы. Так было, в частности, с письмом Е. С. Волковой. Вместо того, что бы разобраться по существу, министерство направило просьбу в Zubovo-Полянское райфо, т. е. на усмотрение той организации, на которую поступила жалоба. Получив от райфо заведомо необоснованный ответ, министерство финансов тем не менее отказало в законной просьбе Е. С. Волковой. И только после неоднократного вмешательства Министерства финансов РСФСР вопрос был решен положительно³¹.

Жители республики сообщали вышестоящим властям о том, что некоторые обличенные властью чиновники ведут себя неадекватно, недобросовестно относятся к своим обязанностям. Так, в одном из писем указывалось, что «участковый инспектор Лямбирского райфо Масхудов Д. А. систематически пьянствует, нетактично ведет себя в отношениях с колхозниками. Факты проверили, установили, что они справедливы и... бумажку подшили к делу»³².

Подобное отношение к жалобам граждан наносило существенный ущерб обществу. Вместе с тем нельзя сказать, что власть не реагировала на них: не находя подчас правды в тех или иных местных инстанциях, гражданин мог добиться ее в инстанциях вышестоящих, а также искать и находить поддержку у партийных и советских органов.

С другой стороны, нередко еще были случаи полного произвола представителей власти, особенно в сельской глубинке, где крестьяне по-прежнему были лишены паспортов и фактически были «прикреплены» к земле. Вопиющий случай «откровенного барства и самодурства», произошедший на территории Старо-Девиченского сельского Совета в 1956 г., описал современник событий П. Козеняшев. Председатель данного сельсовета Л. Ф. Ефремов во всеулышание обвинил в непочтении к собственной персоне жену рабочего крахмального завода Трушину, когда та прошла, не поздоровавшись. И написал записку: «Пред. Ст. Дев. сельпо Гордину И. Исполком Ст.-Девиченского с/совета просит прекратить продажу хлеба Трушину Петру Петровичу». Но, почувствовав, что не прав, пояснил: «Хлеб выдавать только на самого Трушина, а на иждивенцев прекратить». Получив предписание, И. П. Гордин

сочинил свое. Он писал продавцу хлебного ларька: «Тов. Брагина! Трушину П. П. выдавать хлеб только 700 грамм! На иждивенцев не выдавать! Гордин». Так, по воле «ретивого начальника» на территории Старо-Девиченского сельского Совета вступило в силу «постановление», ограничивающее продажу хлеба. В итоге ситуация была разрешена только после вмешательства районных властей. Кроме того, за тем же Л. Ф. Ефремовым числились и другие злоупотребления: на протяжении нескольких месяцев он не считал нужным ремонтировать общественные колодцы в с. Старое Девичье. «Люди сидят без воды, — писал П. Козеняшев. — Почему? Чем-то, видимо, не угодили они Ефремову»³³. В то же время стоит констатировать, что подобные случаи «откровенного самодурства» местных руководителей становились все более редкими по мере развития процессов «оттепели», частью которых являлся рост уровня правовой защищенности граждан государством.

Процессы «оттепели», характерные для внутренней жизни страны, практически не распространялись на международную сферу (если не считать заявлений руководства СССР о мирном сосуществовании-конкуренции двух систем). В связи с этой заметной чертой повседневной жизни советского человека в эпоху «хрущевского десятилетия» было перманентное ощущение угрозы третьей мировой войны, не покидавшее людей предчувствие ядерной опасности. Причинами тому были непрекращающееся противостояние двух блоков: социалистического и капиталистического, а также живая память о прошедшей войне, в том числе о ядерных бомбардировках японских городов Хиросимы и Нагасаки. Опасность мировой термоядерной катастрофы временами могла казаться не столь значительной, но всякий раз вспыхивала с новой силой при очередном осложнении международной обстановки. Наиболее существенным из подобных осложнений стал Карибский кризис.

Угроза атомной войны, нависшая над человечеством осенью 1962 г., с каждым днем становилась все более реальной. «Судьба Кубы — судьба мира», — писала в те тревожные дни «Советская Мордовия»³⁴.

Рост агрессивности в правящих кругах США не мог не вызывать крайней озабоченности советских людей. Заявление правительства СССР по поводу враждебных действий американцев против социалистической Кубы нашло горячую и искреннюю поддержку. «Не играйте с огнем! Посеете ветер — пожнете бурю, — эти слова носит сейчас в сердце каждый человек, кому дорог мир», — отмечал в тот тревожный момент региональный журналист И. Кособоков³⁵. Митинги против развязывания мировой войны прошли на заводах, в сельхозартелях, совхозах и колхозах Мордовии³⁶.

В массовом сознании рождались самые мрачные ассоциации: у многих еще были живы воспоминания о роковом дне — 22 июня 1941 г. приведем пример типичной риторики тех дней. «Если потребуется, я добровольцем пойду защищать кубинскую революцию», — коротко заявил на собрании трудового коллектива лучший комбайнер Инсарского района МАССР, член КПСС А. С. Евпалов³⁷. «...Кровожадные вояки своей цели не достигнут, потерпят полный провал, Куба не одинока. На её стороне народы могучего Советского Союза, все прогрессивное человечество», — утверждала, стремясь успокоить опасения людей, бухгалтер колхоза «Коммунар» Ковылкинского района республики А. Павлова³⁸. «Молодая я еще, — писала в редакцию газеты «Советская Мордовия» работница колхоза «Заветы Ильича» Рыбкинского района республики М. Чарышкина. — В колхозе, в артельных делах вся моя жизнь. Птичницей работаю. У всех людей наших деревень одно общее стремление,

чтобы колхоз богател, чтоб не знали нужды в хлебе, мясе, молоке и городские люди. И своя задача у меня есть на каждый день: больше яиц получить от несушек на ферме, молодой сберечь. И вот вдруг пытаются отнять все это богатство, людское счастье. Да кто? Те, у кого на это никакого права нет. Хотят развязать страшную войну. Пусть все слышат мой голос: Прочь руки от Кубы! Империалисты, одумайтесь! Люди мира хотят, а не войны»³⁹. В письме невозможно не заметить искренних переживаний автора, страха перед пугающей перспективой ядерной войны.

Несмотря на некоторый пафос (продиктованный идеологическими клише), подобные высказывания и письма не были пустыми словами: люди, многие из которых на собственном примере знали, что такое мировая война, горели искренним стремлением не допустить развязывание новой мировой бойни. «На Саранском экскаваторном заводе весть о „новых провокационных действиях американских атомщиков“ молнией облетела все цехи и участки, — отмечал корреспондент «Советской Мордовии» И. Афонин. — Заявление Советского правительства слушали затаив дыхание. Тут же у репродукторов, возле остановившихся на несколько минут станков проходили беседы. Мнение единое: ...мы с Кубой! На следующий день в ходе митинга рабочие и служащие завода решили за два месяца дать 20 машин сверх плана. В сентябре в счет этой цифры было изготовлено 12 экскаваторов, не менее обязались сделать и в октябре»⁴⁰. Жители Мордовии оказали кубинцам поддержку в продовольственном плане: со всех концов республики шли на приемные пункты автомашины с картофелем для «Острова Свободы». Например, в Инсарском районе МАССР сотни центнеров отборных клубней отправили колхозники сельхозартели «Путь к коммунизму». В этом же районе лучший картофель на экспорт отобрали рабочие совхозов имени Ленина, «Большевик» и другие хозяйства»⁴¹.

Особым поводом для гордости советских людей стала развязка Карибского кризиса, когда решимость руководства СССР позволила смягчить напряжение и прийти к переговорам, в результате которых последовало завершение президента США Д. Кеннеди о недопущении агрессии против социалистической Кубы и прекращения ее блокады. Как следствие этого, правительство Советского Союза ликвидировало военные объекты, размещенные для обороны «Острова Свободы». Советская и американская стороны подтвердили, что решение проблем путем переговоров на основе равенства и взаимности является единственно эффективной мерой для поддержания мира⁴¹. Тем не менее, несмотря на благополучный исход Карибского противостояния, опасность ядерной войны ощущалась людьми по-прежнему остро. Это ощущение, хотя и приглушенное житейскими заботами, было характерно для повседневной практики советского социума еще на протяжении долгого времени.

В тоже время следует заметить, что данная угроза не была довлеющей в общественной атмосфере «хрущевского десятилетия». Напротив — именно оптимизм являлся характерной чертой эпохи, ее повседневной жизни. Этому не в малой мере способствовали всевозможные научные и технические достижения Советского Союза, в частности освоение космического пространства, создававшие ощущение скорого всемирного торжества коммунизма, решения всех общественных и личных проблем. Как пример подобных настроений показательна реакция населения республики на первый полет человека в космос. Сообщение ТАСС от 12 апреля 1961 г. нашло горячий отклик в сердцах жителей Мордовии. Токарь цеха № 2 Саранского завода «Электровыпрямитель» М. Киселев рассказывал: «Из репродуктора неслись

такие знакомые и дорогие сердцу позывные сигналы Москвы. Значит, что-то необычное случилось! Мы бросились к репродуктору, забрались на станок, что б лучше слышать... Человек полетел в космос! Человек полетел в космос! Верилось и не верилось. Нет, верилось, верилось! Мы давно ждали этого дня, мы знали, что не сегодня-завтра кто-то из советских людей полетит в космос. Не хватает слов, чтобы выразить радость, которая переполнила наши сердца! В цехе, как обычно, шумели станки, цех продолжал борьбу за право называться коммунистическим, а радио сообщило имя первого в мире космонавта. Все наши мысли в это время были с ним. Как он там? Только бы хорошо приземлился»⁴³. Сознание сопричастности великому событию было одним из главных чувств, владевших тогда жителями республики. «Мы с гордостью сознаем, — подчеркивал М. Киселев, — что в этом великом подвиге советского народа есть и доля нашего труда. Еще лучше хочется работать, что бы хоть чем-нибудь помочь нашим ученым, которые превратили в действительность мечту целых поколений людей»⁴⁴.

Трудно переоценить порыв искреннего энтузиазма, возникший на волне этого выдающегося события. Не только официальной идеологией, но и подавляющей массой рядовых людей, оно виделось как «триумф советского общества», возвышающий его над «прогнившим» капитализмом, как «осуществление вековой мечты» и «выдающийся вклад советского народа в сокровищницу мировой науки и культуры», как «новая победа советской науки и техники». На предприятиях, в учреждениях и организациях ему посвящались собрания, митинги. Трудовыми коллективами республики принимались решения отметить величайшее событие XX в. новыми производственными успехами. «Славная победа нашей Родины в освоении космоса вдохновляет всех советских людей на новые подвиги в строительстве коммунизма... Первый полет человека в космос станет источником нового вдохновения и дерзаний для всех советских людей во имя дальнейшего прогресса и мира во всем мире», — вдохновенно писала в те дни региональная пресса⁴⁵. В подобном восприятии этого выдающегося события хорошо виден особый оптимистический настрой, характерный для исследуемого времени.

Таким образом, культура повседневности рассматриваемого периода показала, что далеко не все в частной жизни, индивидуальной и массовой психологии, быту, восприятию искусства и так далее может быть подчинено партийно-государственному влиянию. Несмотря на то, что изменения в провинции происходили гораздо более медленно, чем в «центре», благодаря дальнейшей универсализации социокультурных ценностей — в полной мере отразившейся на бытовой повседневности — общество Мордовии все более приобретало черты современного урбанизированного регионального сообщества, становясь органичной частью формирующегося надэтнического целого, которое в последующее десятилетие получит официальное наименование — новая историческая общность — советский народ.

Библиографические ссылки

¹ См.: Иванов С. Великая забота о советском человеке // Советская Мордовия. 1956. 28 авг. С. 2.

² См.: 55 лет Закону СССР «О государственных пенсиях». URL: <http://pensiarf.ru> (дата обращения: 18.02.2016).

³ Там же.

- ⁴ **Иванов С.** Указ. соч. С. 2.
- ⁵ См.: Государство социалистическое. URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 18.02.2021).
- ⁶ См.: **Лапина Т.** Размеры пенсии возросли вдвое // Советская Мордовия. 1956. 3 окт. С. 2.
- ⁷ **Иванов С.** Указ. соч. С. 2.
- ⁸ Там же.
- ⁹ См.: **Лапина Т.** Указ. соч. С. 2.
- ¹⁰ См.: Выше уровень медицинского обслуживания сельского населения // Советская Мордовия. 1964. 24 апр. С. 1.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ **Лебина Н. Б., Чистиков А. Н.** Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан. СПб., 2003. С. 162.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 194.
- ¹⁶ См.: **Киреев Г.** Хозяева жизни // Литературная Мордовия. 1961. № 25. С. 51.
- ¹⁷ См.: Под звездой Октября. Саранск, 1967. С. 309.
- ¹⁸ **Николаев И.** Так живет Константиновка // Литературная Мордовия. 1961. № 23. С. 13 — 14.
- ¹⁹ **Киреев Г.** Указ. соч. С. 51.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ **Лебина Н. Б.** Плюс десталинизация всей еды... (Вкусовые приоритеты эпохи хрущевских реформ: опыт историко-антропологического анализа). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/teoriya_mody/21_tm_3_2011/article/18987 (дата обращения: 18.02.2016).
- ²² Там же.
- ²³ См.: Мордовия в эпоху «оттепели». URL: www.oboznik.ru (дата обращения: 18.02.2021).
- ²⁴ Пленум облпрофсовета // Советская Мордовия. 1956. 4 янв. С. 2.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ **Терёхин А.** Что бы зритель был доволен // Советская Мордовия. 1964. 4 марта. С. 2.
- ²⁷ **Брусиловская Л. Б.** Культура повседневности эпохи «оттепели»: Метаморфозы стиля : дис. ... канд. культурол. наук. М., 2000. URL: <https://www.dissercat.com/content/kultura-povsednevnosti-epokhi-ottepeli-metamorfozy-stilya> (дата обращения: 18.02.2021).
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Против волокиты и бюрократизма в разборе жалоб трудящихся // Советская Мордовия. 1956. 1 июля. С. 1.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ **Козеняшев П.** Ретивый начальник // Советская Мордовия. 1956. 3 нояб. С. 3.
- ³⁴ Судьба Кубы — судьба мира // Советская Мордовия. 1962. 26 окт. С. 1.
- ³⁵ **Кособоков И.** Мы с вами, кубинцы // Советская Мордовия. 1962. 26 окт. С. 1.
- ³⁶ См.: **Павлова А.** Не бывать войне-пожару // Советская Мордовия. 1962. 26 окт. С. 1 ; Трудом крепить мир // Там же ; Обуздать агрессоров // Там же.
- ³⁷ **Кособоков И.** Указ. соч. С. 1.
- ³⁸ **Павлова А.** Указ. соч. С. 1.
- ³⁹ **Чарышкина М.** Наш гнев // Советская Мордовия. 1962. 27 окт. С. 1.
- ⁴⁰ **Афонин И.** Трудом крепить мир // Советская Мордовия. 1962. 26 окт. С. 1.
- ⁴¹ **Кособоков И.** Указ. соч. С. 1.
- ⁴² Война отступила // Советская Мордовия. 1962. 31 окт. С. 4.
- ⁴³ **Киселев М.** Слов не хватает // Советская Мордовия. 1961. 14 апр. С. 1.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Говорят приборостроители // Советская Мордовия. 1961. 14 апр. С. 1.

Поступила 01.09.2021 г.